

Время вышло.

Вспыхнул зеленый свет — раунд пройден.

Фан Сынун вздрогнул. Он еще раз взгляделся в табло перед собой, не веря глазам: действительно горел зеленый. Пораженный, он вскинул голову и увидел, что руки подняли Хуа Тяньсяо и Яо Ван.

Ровно двое. Условие выполнено.

Совершенно неожиданный выбор игроков, но результат оказался прежним. Никто за столом и представить себе не мог, какая буря бушевала в его душе эти несколько секунд. Однако время не ждало, и игра покатилась дальше своим чередом.

Очередь перешла к Ли Дэншуй. Ее условия на голограмме: «Я никогда не...», 4, 4.

— У меня бывали менструации, — ровно произнесла она.

Остальные четыре женщины за столом послушно подняли руки. Раунд пройден.

Дальше всё шло без сучка без задоринки. Самые коварные из оставшихся чисел, «шестерка» и «восьмерка», достались Юань Гуаньцзюнь и Чу Шэньнаню. Оба проявили завидную смекалку и благополучно спаслись. В игре оставалось всего три невыпавших значения: ноль, единица и одиннадцать.

До Юй Цюся очередь еще не дошла.

Справившись со своим раундом, Фан Сынун чувствовал, как в груди ноет холодная боль, но рассудок его уже лихорадочно искал лазейку для Юй Цюся. Какие бы обиды и недомолвки ни стояли между ними в прошлом, позволить Юй Цюся глупо погибнуть в этой дурацкой игре было бы верхом иронии в духе О. Генри.

Юй Чуньминь вытянул число одиннадцать. Парень взмок от напряжения, соображая на ходу, но времени на раздумья ему досталось прилично — целых одиннадцать секунд, так что он все-таки выкрутился без лишних потерь.

Теперь для Юй Цюся оставались только ноль или единица — самые безопасные варианты. Выпади ему ноль, достаточно было бы назвать любой уникальный факт, свойственный только ему одному. С единицей дела обстояли не сложнее: ведь за столом сидел Фан Сынун. За долгие годы отношений они накопили столько сокровенных тайн и общего опыта, что подходил буквально любой интимный факт. На худой конец, можно было упомянуть фильм, в котором они снимались вдвоем, — беспроектная карта.

Предсказание сбылось. В предпоследнем раунде ход перешел к Юй Цюся. На голографическом экране вспыхнуло условие: «Я никогда не...», 1, 1.

Всего одна секунда на ответ. Задача простая, но требующая мгновенной реакции. Фан Сынун за долю мгновения успел перебрать в голове с десяток надежных вариантов. Юй Цюся всегда соображал быстрее и тоньше него, уж он-то выберет безупречную формулировку...

И тут Юй Цюся спокойно произнес:

— Я любил Фан Сынуна.

В голове у Фан Сынуна будто разорвался снаряд.

Как же так?

Почему Юй Цюся совершил такую глупую ошибку именно сейчас?

Неужели он не понял условий? Эта «единица» не включает его самого! Чтобы раунд засчитали, на его фразу должен отозваться ровно один человек за столом. Но все остальные здесь едва знакомы...

Потрясенный до глубины души, Фан Сынун уставился на Юй Цюся, а затем проследил за его взглядом, направленным в сторону... Пу Тяньбая?

Да быть этого не может!

После короткого, наэлектризованного молчания Пу Тяньбай медленно поднял руку.

Зажегся зеленый индикатор. Шаг пройден.

Мысли Фан Сынуна окончательно спутались.

Больше никаких неожиданностей не случилось. Последняя участница, Дин Тинжун, благополучно дала свой ответ, завершая круг, и игра подошла к концу.

У края стола уже стояла сияющая улыбкой Луна.

— Ну что, хорошо провели время? Вы отлично поработали! Позвольте мне проводить вас обратно в комнаты.

Собравшиеся выстроились в две шеренги и побрели за ней по коридорам общежития.

Радовало лишь одно: за ужином они успели обменяться ключевыми сведениями. Ведь теперь, под пристальным надзором Луны, обсудить что-либо в общем холле не представлялось возможным.

— Спокойной ночи всем. Пусть вам приснятся чудесные сны!

И действительно, Луна не ушла сразу. Она осталась стоять в дверях холла, провожая каждого ласковым, но ледящим взглядом.

Опытные игроки переглянулись и без лишних слов разошлись по своим комнатам.

Разум Фан Сынуна превратился в мешанину из тревожных мыслей. Он бездумно брел за Юй Цюся и едва не врезался ему в спину, когда тот внезапно притормозил. До уха донесся его тихий голос:

— Прости, я заставил тебя волноваться весь вечер.

Фан Сынул скосил глаза и понял, что Юй Цюся обращается к Ро Шиши. Из-за вчерашней жуткой истории с «игрушкой без единого шва» девушка не сомкнула глаз всю ночь, но сегодня с ней ничего не произошло, и весь день она выглядела заметно повеселевшей.

— Постарайся выспаться сегодня, — мягко добавил Юй Цюся.

Ро Шиши, ошеломленная внезапным проявлением такого внимания со стороны признанного красавца, на секунду растерялась и лишь смущенно пробормотала:

— Всё... всё хорошо, спасибо.

Вернувшись в их номер, Фан Сынул сразу же скрылся в санузле. На белых, безупречно гладких стенах не было зеркала. Он негромко скомандовал пустоте:

— Мне нужно зеркало.

Спрятанные в пазах стен бледные щупальца зашевелились, и вскоре перед ним выросла гладкая отражающая поверхность.

Не только Юй Чуньминь — все без исключения при взгляде на него сегодня едва заметно менялись в лице. Фан Сыну было жизненно необходимо узнать, что именно с ним происходит.

Но стоило ему всмотреться в собственное отражение, как по спине пробежал ледяной пот.

Изменения не были радикальными, но именно эта едва уловимая деформация порождала непреодолимый, экзистенциальный ужас. Эффект зловещей долины в чистом виде.

Художественное образование позволило ему безошибочно зафиксировать аномалии: переносица стала заметно шире, лоб слегка выдался вперед, а глаза разъехались к вискам. Пускай смещение измерялось миллиметрами, исказившиеся пропорции разрушили гармонию лица.

Стекло отражало чужака. Существо, которое отчаянно пыталось притвориться им, но не смогло до конца скопировать человеческий облик.

Он помнил, как мутировал Лао Шуай. Очевидно, его нынешнее уродство стало результатом прерванного на полпути превращения, застывшего на самой ранней стадии.

Но от этого было не легче. Смириться с подобным он не мог.

Ни один нормальный человек не смог бы.

На его месте любой другой уже зашелся бы в истерике. Он и сам был на грани безумия, но заставил себя замереть. Каждое сухожилие натянулось как струна. Стиснув зубы, он в упор разглядывал искаженную маску в зеркале. Изнутри его одновременно выжигали спазмы дикого голода и удушливая тошнота, но он заставил себя держаться. Выживать на чистом упрямстве — этому он научился давно, иначе его кости давно бы сгнили в одном из этих проклятых театров.

Когда ледяной прилив паники немного отступил, он наскоро умылся ледяной водой и вышел наружу.

Юй Цюся стоял у двери — неподвижный, прямой. Он молча смотрел на него.

Фан Сынун тут же отвернулся.

С трудом подавленные чувства нахлынули с новой силой. Он рванулся обратно в ванную, содрагаясь в судорожных позывах рвоты. Юй Цюся шагнул следом и подхватил его за плечи. Фан Сынун даже не пытался вырваться: желудок был пуст, его выворачивало наизнанку желчью, и без чужой поддержки он бы просто рухнул на кафель.

Изнурительный спазм раздирал нутро, голова кружилась так, что пол уходил из-под ног. В полузабытьи он почувствовал, как сильные руки приподняли его, отрывая от земли. Вспышка слепящего белого света ванной сменилась полумраком спальни. Стало немного легче.

Оказавшись на кровати, он немедленно сжался в комок, спрятал голову в колени и закрыл лицо руками.

На самом деле собственная внешность никогда не стояла для него на первом месте. В ванной он даже успел уговорить себя успокоиться, но стоило ему столкнуться взглядом с Юй Цюся, как все барьеры рухнули. В памяти непрошено всплыл тот поцелуй в ванне из иллюзорного мира, потянувший за собой воспоминание о поцелуе настоящем, реальном.

Ему было плевать, что станет с ним самим. Но мысль о том, что Юй Цюся касается этого жуткого, деформированного существа, казалась кошмаром. Он не мог позволить осквернить его образ.

Как вообще Юй Цюся мог целовать его... такого?

Он чувствовал, что Юй Цюся по-прежнему сидит на корточках у постели. Его пальцы мягко, но настойчиво обхватили запястье Фан Сынуна, пытаясь отвести руку от лица.

Тот лишь упрямее спрятался в кокон. Когда он заговорил, голос сорвался на хриплый шепот — горло саднило после рвоты:

— Между мной... мной и Пу Тяньбаем ничего нет. — Он отчаянно цеплялся за эти слова. — Я клянусь, я вообще ничего об этом не знал.

Хватка Юй Цюся ослабла. Он перестал тянуть, просто накрыл его дрожащие ладони своими и едва ощутимо погладил.

— Знаю. Я всё знаю, — тихо отозвался он.

— Правда, я совсем не знал... — упрямо шептал Фан Сынуна, задыхаясь от подступающих слез.

— Тише, я знаю. — Юй Цюся наклонился ниже. Его теплое дыхание коснулось шеи Фан Сынуна.

Паника накатила новой волной. Фан Сынуна дернулся, сворачиваясь еще плотнее, и сорвался на крик:

— Не трогай меня! Уйди! Слышишь, отойди от меня!

Наступила короткая пауза. Чужие ладони соскользнули с его плеч. Раздался негромкий шорох одежды — Юй Цюся выпрямился во весь рост.

Спустя мгновение тишину нарушил его ровный, лишенный эмоций голос:

— Фан Сынун, ты уже второй раз просишь меня держаться подальше.

Воздух в комнате словно превратился в камень. Фан Сынун затаил дыхание. Юй Цюся всегда обладал над ним этой страшной, абсолютной властью: одной брошенной вскользь фразой он мог вынести ему смертный приговор без права на обжалование.

Послышались удаляющиеся шаги. Юй Цюся скрылся в ванной, а вернувшись оттуда, прошел к своей половине кровати и лег.

Просторное круглое ложе позволяло им спать на приличном расстоянии — если каждый прижимался к своему краю, между ними оставалось добрых три метра пустоты.

— Эллен, выключи свет, — тихо приказал Юй Цюся.

Комнату затопила плотная, спасительная тьма. Фан Сынун наконец-то смог сделать полноценный вдох, но едва напряжение спало, как измученное тело отозвалось тупой, изнуряющей болью в каждой мышце.

Из-за этой ноющей боли он потерял бдительность и не заметил, как матрас под чужим весом бесшумно просел. Юй Цюся подобрался совсем близко.

Когда горячая ладонь вновь бережно легла на его плечо, Фан Сынун вздрогнул всем телом. Сердце испуганной птицей забилось о ребра.

— Уже темно, — раздался над самым ухом мягкий, вкрадчивый шепот Юй Цюся, из которого исчезла вся недавняя левизна. — Я ничего не вижу.

Фан Сынун замер, чувствуя, как сладостная и болезненная судорога сжимает сердце. Такого поворота он ожидать не мог при всем желании.

— Всё хорошо, Сынун. Не бойся. — Поняв, что его не отталкивают, Юй Цюся придвинулся вплотную. Его грудь коснулась согнутой спины Фан Сынуна. Он осторожно, но уверенно обхватил его поперек талии, увлекая ближе к середине постели, и зашептал в затылок: — Как только выберемся отсюда, всё пройдет. Никаких следов не останется. Слышишь? Я обещаю тебе.

Переместив его подальше от опасного края, Юй Цюся нехотя разомкнул объятия и немного отстранился, возвращаясь на свою половину, но оставаясь достаточно близко.

Фан Сынуну показалось, будто он вновь очутился в той далекой ночи под куполом фальшивых

звезд. В груди селилось странное, щемящее чувство — сердце было одновременно переполнено нежностью и выжжено пустотой.

После долгого молчания он глухо спросил:

— Почему ты не выбрал что-то более безопасное?

Вопрос прозвучал размыто, но Юй Цюся уловил суть мгновенно.

— Мне этот вариант показался самым надежным, — ровно ответил он. — Этот соплук Пу Тяньбай еще до того, как связался с Иньинь, вечно вился вокруг тебя под всякими предложениями. Я же говорил, что он неспроста крутится рядом.

— И какое тебе теперь до этого дело? — тихо отозвался Фан Сынун.

Юй Цюся помедлил, словно взвешивая слова, и наконец выдал:

— Я старший брат Иньинь. Имею я право знать, кто претендует на ее жениха?

Нелепая, сшитая на живую нитку отговорка. Даже если принять этот мотив на веру, существовали десятки других, куда менее рискованных способов пройти раунд.

Они снова замолчали.

Глаза Фан Сынуна привыкли к темноте. Он тупо разглядывал смутные очертания собственных ладоней, переводя взгляд на острые выступы костяшек. В конце концов, собрав остатки мужества, он спросил:

— А сам ты?.. Зачем ты это делаешь? Просто чтобы поиздеваться надо мной?

Если он на самом деле не собирался кончать с собой, к чему были эти вечные разговоры о смерти? Юй Цюся прекрасно знал, как сильно эти слова ранят Фан Сынуна, как до паники пугают его. Зачем тогда раз за разом бить в самое больное место?

— Нет, — мгновенно отозвался Юй Цюся. Но затем повисла долгая, мучительная пауза, прежде чем он глухо добавил: —... Для меня самоубийство — вещь решенная. Эта мысль никогда меня не покидала. Просто время еще не пришло. Я... я пока не готов.

Фан Сынун невольно повернулся к нему. Вокруг царила непроницаемая мгла, стиравшая черты их лиц, как и говорил Юй Цюся.

— Какое еще время?

Очередное тяжелое молчание. Юй Цюся выдавил из себя очевидную нелепицу:

— То самое... когда умереть будет правильно.

Застывший в горле ком воздуха наконец прошел. Фан Сынун со вздохом опустил на подушку и перевернулся на другой бок, снова подставив Юй Цюся спине.

Он понимал, что отвечать честно тот не станет. А вытягивать из него клещами полуправду больше не имело смысла.

В глубине души он знал, насколько безнадежно увяз в этой зависимости. Ему хватило бы малейшего намека. Стоило Юй Цюся открыть рот, и он поверил бы любой, даже самой наглой лжи.

Вот только Юй Цюся почти никогда не лгал ему. Он предпочитал молчать.

Фан Сынун вглядывался в черноту перед собой. Перед мысленным взором вдруг возникло воспоминание: тот миг, когда он только-только очнулся от наведенного морока. Он отчетливо запомнил секундное замешательство и испуг на лице Юй Цюся.

Тогда Юй Цюся испугался, потому что увидел его слезы.

Все события этой безумной ночи вышли за рамки привычного. Юй Цюся шел на уступку за уступкой, заставляя выжженное дотла сердце Фан Сынуна робко затрепетать от безумной, запретной надежды.

В конце концов, Юй Цюся при всех признал, что любил его. И сегодня они вроде как сошлись снова. Может ли быть, пусть даже крошечный, ничтожный шанс, что и сейчас... всё еще...

Он долго колебался, взвешивая каждое слово. Наконец, пересилив гордость и страх, он решился на поступок, которого не совершал никогда прежде за все годы их знакомства. Впервые в жизни он открыто обнажил перед этим человеком свою беспомощность, прошептав едва слышно:

— Юй Цюся... мне очень больно. И так хочется есть.

Позади него воцарилась тишина. Лишь спустя долгие секунды матрас за спиной снова шуршаще прогнулся. Фан Сынун почувствовал, как к нему приближается тепло чужого тела, а затем сильные ладони скользнули вперед и бережно переплели свои пальцы с его пальцами.

Юй Цюся обнял его сзади, надежно прижимая к себе, и тихо спросил у самого уха:

— Так легче?

К горлу подкатил горячий спасительный ком. Фан Сыуну до боли захотелось расплакаться, и ему стоило колоссальных усилий сдержать этот порыв. Сглотнув слезы, он тихо выдохнул:

— Да.

<http://bllate.org/book/20607/2251090>